

Скрытые учения, относящиеся к раннему периоду жизни Будды

Когда Сиддхартха Гаутама стал Буддой, ему было тридцать пять лет, и к этому времени в его жизни уже произошло множество событий, нашедших отражение в его первых жизнеописаниях, причем каждое из этих событий, по той или иной причине, является для нас чрезвычайно важным. Выбирать отдельные эпизоды из сокровищ, содержащихся в столь уникальной и важной биографии, отнюдь не легко. Предыдущая глава — не более чем краткий обзор его пути к просветлению. Но, если сосредоточиться на нескольких эпизодах, то даже из этого скупого перечня можно вывести некоторые характерные принципы буддийского пути. Здесь мы остановимся всего на шести таких эпизодах — это четыре встречи, уход из дома, обмен царского одеяния на нищенские лохмотья, аскетические практики, уход спутников и принятие помощи. Каждый из них по сути своей есть исторический факт, и, в то же время, каждый стал ядром, вокруг которого сложился богатый комплекс мифов и легенд. Таким образом, каждый из этих эпизодов приобретает общечеловеческое значение, то есть имеет непосредственное отношение к состоянию каждого человека, проходящего процесс развития или способного пройти такой процесс в будущем.

А теперь для начала давайте рассмотрим четыре встречи: Сиддхартха впервые — или как будто впервые — видит старика, больного, труп и святого странника. Очевидно, до той поры отцу удавалось ограждать его от мира: днем царевич овладевал боевыми искусствами, а по ночам в одном из трех дворцов его услаждали юные певицы и танцовщицы. В каком-то смысле Сиддхартха был оторван от реальной жизни, можно даже сказать, оторван от реальности. Ведь в буддийской мифологии отец иногда олицетворяет неведение, тогда как мать может олицетворять желание (первое — это, скорее, яд для ума, а второе — эмоциональный источник страдания). Таким образом, Сиддхартха был со всех сторон окружен, ограничен неведением — отцом всех существ, живущих неосознанно. Он обитал в своем маленьком мирке, не представляя, что происходит за его пределами. Едва ли он вообще осознавал, что за пределами его мирка существует большой мир — во всяком случае, не осознавал до такой степени, чтобы это хоть как-то влияло на его времяпрепровождение. Правда жизни еще не проникла в его мирок.

Несколько иное освещение той же темы можно найти в притче о горящем доме, которая приводится в *Саддхарма пундарике*, или «Сутре белого лотоса». В огромном ветхом доме — так начинается притча, — где детвора поглощена своими детскими забавами, вдруг вспыхивает пожар. Пламя весело пылает, постепенно охватывая всё старое здание, но дети не обращают внимания ни на запах гари, ни на ползущие из-под дверей клубы дыма, ни на треск и гул пламени, ни на грохот рушащихся в очаге пожара балок. Они просто не осознают опасности и продолжают забавляться игрушками. Мы не станем пересказывать эту историю до конца — достаточно упомянуть, что в конце концов детей спасли.

Начало притчи едва ли нужно объяснять. Горящий дом — это наш мир, который сжигают старость, болезни и смерть, а дети — это, конечно же, мы сами. Вселенная — обусловленное бытие — объята пламенем всеобщего страдания, а мы всё не можем оторваться от своих суетных дел, развлечений и увеселений. Большинство из нас большую часть времени занято делами, которые просто недостойны внимания человека, обладающего хоть какой-то осознанностью. И если

нам изредка приоткрывается правда о нашем положении и подлинной цели нашей жизни, то под влиянием общества и старых привычек мы очень скоро возвращаемся в накатанную колею.

Но даже если мы со страстью предаемся пустякам, даже если тратим время на пустые забавы и развлечения, рано или поздно что-то случается. Как бы ни были мы заняты мелкими личными хлопотами, однажды случается что-то непоправимое, и наш мирок рушится или получает такие страшные повреждения, что мы уже никогда не сможем жить в нем с прежней безмятежностью. Словно мы до сих пор вообще не появлялись на свет — сидели в яйце, как цыпленок, и вдруг наш мирок раскалывается, и сквозь трещины мы видим совсем другой, более просторный мир. Наконец-то произошла встреча с реальностью, и мы начинаем видеть всё таким, какое оно есть. Мы чувствуем себя повзрослевшими, нас больше не увлекают детские игрушки и сказки. Или это можно сравнить с пробуждением от сна. Ведь когда мы спим, всё происходящее в сновидениях кажется нам таким же реальным, таким же ярким, как и переживания во время бодрствования. Но стоит нам проснуться, как мир снов быстро тает. Через несколько минут или несколько часов он исчезает полностью, обычно не оставляя даже воспоминания. Точно так же, когда в наше сонное, уютное существование вторгается истинная реальность, мы оглядываемся на прежнюю жизнь, на прежние дела, к которым утратили былой интерес, и думаем: «Как я мог так жить? Неужели это и вправду был я? Неужели я действительно был так глуп, мог так заблуждаться?»

Под влиянием обретенного опыта наше поведение меняется — так взрослый ведет себя иначе, чем ребенок. Окружающие могут заметить, что мы уже не те, что прежде, что мы изменились, и подумать, не произошло ли с нами что-нибудь. «Что-то случилось?» — спрашивают они не без участия, — а сами думают, что мы немного не в себе: ведь нас больше не интересует то, что интересовало раньше, и мы больше не занимаемся тем, чем так любят заниматься другие.

Событие, которое разрушает наш личный мирок, очень часто бывает неприятным — это может быть тяжелая утрата, потеря работы, уход любимого человека или измена супруга.

Но открытие может произойти и в более приятной обстановке — вы можете обрести внезапное прозрение под влиянием изобразительного искусства, а может быть, музыки или поэзии. Или же оно может стать следствием переживания, которое не является ни приятным, ни неприятным, ни даже внезапным: просто вы испытываете недовольство и неудовлетворенность. Но, что бы ни дало толчок такому прозрению, следующее за ним переживание обычно бывает мучительным, беспокойным и всепоглощающим, потому что старые устои рухнули, старые формы разбиты. Именно такое переживание испытал Сиддхартха — это явствует из описания четырех встреч.

Второй из шести выбранных нами эпизодов — уход из дома. По сути, он означает расставание с общностью, которую можно назвать группой. Такое расставание дается не легко, потому что группа, коллектив — это то окружение, в котором большинство людей проводит большую часть времени. Это мир, где отношения построены на непонимании, на взаимной эксплуатации и вымышленных оценках, где люди не видят друг друга такими, какие они есть на самом деле, где нет искреннего общения. Но когда скорлупа вашей ограниченности разбита и вы видите за пределами своего мира другой, более яркий, вы больше не можете оставаться членом группы, которая определяет, кем вы являетесь. Вы должны с ней расстаться. В случае Будды это расставание происходит буквально: он уходит из дома. Он покидает родителей, жену и сына, покидает племя, покидает даже территорию племени, причем уходит ночью. Никто не видит его ухода. Покидая группу, вы, образно выражаясь, растворяетесь в ночи, потому что члены группы по-настоящему не видят человека, который из нее выходит. Они не понимают вашего поступка, для них вы загадка.

И как же это соотносится с буддийским путем? Что это означает для тех, кто следует по стопам Будды, кто называет себя буддистами? Наверное, смысл ухода вполне очевиден. Он подразумевает, что вы начинаете отделяться от группы, перестаете отождествлять себя с человечеством как с неким сообществом. Как именно вы собираетесь это сделать, зависит, конечно же, от специфики группы или групп, к которым вы принадлежите.

Группа, которая сразу же приходит на ум, это семья — группа кровных родственников, и вы расстаетесь с ней, когда покидаете дом. По крайней мере, покидая дом, вы начинаете с ней расставаться, и, быть может, всем нам следует покинуть дом, как только представится возможность. Покинув дом в буквальном смысле слова, то есть уйдя из него и больше не находясь в кругу семьи, вы сможете увидеть своих близких со стороны. Вы сможете лучше понять своих родителей, точно так же, как они смогут лучше понять вас. Пока вы живете дома, с родителями, вы склонны видеть в них просто своих родителей, хотя они, конечно же, гораздо больше, чем просто родители, как и вы гораздо больше, чем просто чьи-то дети. Видя в них просто отца и мать, вы не понимаете их по-настоящему, вы совершенно их не знаете. Когда же вы уйдете из дома и проживете какое-то время самостоятельно, вам будет легче увидеть своих близких в истинном свете, заметить те личные качества, которыми они обладают. И это не всё — вы также сможете настаивать, чтобы с вами обращались как с личностью, а не просто как с дочерью или сыном (сестрой, племянником или кем бы то ни было ещё). Есть одно любопытное явление: очень часто, навещая своих родителей, люди непроизвольно начинают играть роли детей — возможно в ответ на то, что старшие начинают играть свои родительские роли. Они снова чувствуют себя детьми и, отождествляя себя с этой ролью, перестают быть собой. Поэтому уйти из семьи — значит каждый раз, оказавшись в кругу семьи, бдительно относиться к собственной склонности, а также склонности своих близких возвращаться к привычным ролям.

Однако семья — далеко не единственная группа, с которой вам приходится расстаться, когда вы решаете идти своим путем. Ведь есть еще и такая группа, как круг общения. Отправляясь в путь, вы отказываетесь от всех видов знакомого и привычного общения. Вам придется признать, что вечеринки, клубные вечера и прочие развлечения, как правило, ничемны, банальны и скучны. Такое восприятие не следует путать с манерой критиковать общественную жизнь, которой порой грешат люди, имеющие проблемы с общением. Весь вопрос в том, жаждете ли вы вообще кружиться в вихре развлечений. Если да, то это означает, что вы еще недоста-

точно созрели как личность, чтобы покинуть свой круг общения. Но даже если вы откажетесь от более организованных форм общения, обычные пересуды и сплетни всё равно никуда не денутся. Поэтому, выбирая бродячую жизнь, Сидхартха уходил и от них тоже. Тем не менее, став Буддой, он обнаружил, что и его собственной Сангхе не чужда бездумная болтовня. Как-то раз он даже заметил своим ученикам: «При встречах либо храните молчание, либо говорите о духовном: о Дхарме, о том, что способствует вашему личному развитию».

Еще есть группа, с которой вас объединяют экономические отношения, главным образом работа, если она у вас есть. Поэтому, чтобы развиваться как личность, необходимо перестать отождествлять себя с работой, которую вы выполняете. К сожалению, подобное отождествление закрепляется в обычной речи: вместо того чтобы сказать: «Я выполняю ту или иную работу», мы говорим «Я каменщик» или «Я биржевой маклер». И этим дело не ограничивается — иногда люди очень тесно отождествляют себя с компанией, на которую работают, что весьма поощряется, особенно японскими работодателями, или с профсоюзом. Конечно, бывает работа по призванию, которую вполне уместно рассматривать как подлинное выражение творческого начала и сострадания. Это другое дело. Еще есть возможность вместе с другими буддистами работать над каким-то проектом или организовать дело, в котором присутствует какой-то элемент бескорыстия. И в этом случае полная самоотдача тоже будет частью вашей духовной практики. Но если вы выполняете обычную работу с целью получения денег, то не стоит отождествляться с ней.

Фактически выход из экономической группы подразумевает — и это идет вразрез с привычными представлениями, — что вы сводите свою работу к минимуму. Если вы всерьез настроены стать буддистом, необходимо высвободить время для духовной практики. Это значит, что вы по возможности стараетесь найти работу на неполный рабочий день. Тогда, как бы это ни было трудно, вам придется бороться с искушением проводить свободное время за чтением газет, просмотром телепередач, пустой болтовней, походами по магазинам и тому подобными занятиями. Выйти из экономической группы — значит правильно и творчески

использовать всё освободившееся время и перестать отождествлять себя с тем, что вы делаете ради зарплаты.

Теперь вам уже, наверное, ясно, что мы понимаем под словом «группа». Еще одна довольно важная группа — культурная. Обрести свободу от культурной группы, к которой принадлежишь с самого рождения, можно двумя способами — учась и путешествуя. Изучая другие культуры, знакомясь с литературой, музыкой или даже обычаями другой культуры, вы расширяете свой кругозор, свое понимание. Вы перестаете отождествлять себя с какой-то одной культурой. Когда вы путешествуете по свету или просто наблюдаете обычаи других этнических групп, существующих в вашей собственной стране, ваши взгляды естественным образом становятся более широкими. А если вам удастся пожить в совершенно другом обществе, вы вскоре понимаете, что многие ваши привычки и взгляды — всего лишь продукт вашего окружения и сами по себе не имеют никакой силы. Например, обычай есть ножом и вилкой — ничуть не более важный закон мироздания, чем обычай есть руками.

Конечно, группа не обязательно должна быть большой. В наши дни один из самых коварных видов группы — это группа из двух человек, то, что французы называют *égoïsme à deux* *. В основе того, что сегодня явно считается идеальной моделью сексуальной связи, лежит обоюдная эмоциональная зависимость, обоюдная эксплуатация. И если не отвести такой сексуальной связи надлежащее место в собственной системе ценностей, если считать ее чем-то исключительно важным, она обязательно станет препятствием для вашего развития как личности. К сожалению, это условие соблюдается редко, поскольку сексуальные связи по самой своей природе склонны к непостоянству. Так что избрание нового пути предполагает еще и это — выход из группы, состоящей из двух человек.

У группы есть много разных способов воздействия, но и этих примеров, наверное, достаточно, чтобы дать вам общее представление о том, как можно из нее выйти и какое практическое значение имеет для нас уход Сиддхартхи.

* Эгоизм вдвоем.

Рассмотрев этап ухода из дома, мы переходим к третьему эпизоду — обмену одеждой с нищим. Для Сиддхартхи уход из дома означал расставание с прежним положением в обществе. В те дни одежда указывала на положение в обществе гораздо более явно, чем сегодня. Расставшись с царским нарядом, Сиддхартха расстался со своей социальной принадлежностью — кшатрия и члена племени шакьев. Он расстался со всем этим потому, что знал: это не его подлинное лицо, хотя каково это подлинное лицо, он тогда еще не представлял. Возможно, в идеале ему следовало бы уйти вовсе без одежды, но от нее он отказался позднее, в период аскетических практик. Пока же на нем были лохмотья нищего, потому что в социальном смысле нищий — это никто, он ничего не стоит, не существует. Если у вас нет ничего — ни собственности, ни денег, ни влияния, — то вы ничто и никто. Сиддхартха отказался от своей социальной принадлежности, обменявшись одеждой с нищим, у которого вообще не было никакой социальной принадлежности.

Воспользовавшись термином юнгианской психологии, можно сказать, что Сиддхартха отказался от своей персоны. Буквально «персона» означает «маска», и этим термином обозначают психологические маски, которые мы носим, общаясь с окружающими. У некоторых людей много масок, которыми они пользуются в различных обстоятельствах, и надевание масок становится для них инстинктивным, почти неосознанным способом самозащиты при любом взаимодействии с другими. Они носят маски потому, что боятся — боятся, что их увидят такими, какие они есть. Им кажется, что, отказавшись от масок, они встретят неодобрение и неприятие окружающих. В идеале нужно уметь сбрасывать свою персону, по крайней мере, в кругу друзей, но, так или иначе, нужно хотя бы стараться осознать наличие маски и таким образом осознать, что вы ей не идентичны. Главный способ срастись со своей маской — это, конечно же, носить одежду определенного стиля или униформу. Как бы ни помогала униформа играть необходимую социальную роль, невозможно отождествлять себя с этой ролью без ущерба для себя как личности. Поэтому, сбросив царский наряд, Сиддхартха сбросил и свою персону — свою маску.

Что касается аскетических практик, четвертого эпизода, выделенного нами из раннего периода жизни Будды, то трудно представить, какое значение может иметь для нас этот духовный тупик, который он так всесторонне исследовал. Самый близкий к практике аскетизма подвиг, знакомый большинству людей на Западе, — это, наверное, попытка бросить курить. Словом, нам совершенно не грозит опасность допустить такую духовную ошибку, как самоистязание. Однако необходимо понять, что лежало в основе аскетических практик Сиддхартхи. Чего он на самом деле пытался добиться, доводя себя до предела физических возможностей? В каком-то смысле это очевидно. Он пытался обрести просветление силой воли, одним лишь усилием, направляемым эго. Его сознание приняло решение обрести Просветление, а затем попыталось навязать это решение всей психике. Разумеется, психика отказалась участвовать в этом начинании, каким бы возвышенным оно ни было, и, таким образом, все усилия оказались напрасными.

Суть здесь не в том, что не нужно прилагать столько усилий, — совсем не в том. Ключ к пониманию того, к чему стремился Сиддхартха, практикуя аскетизм, дает событие, произошедшее в тот миг, когда он сел под деревом бодхи и стал медитировать. Он вспомнил испытанное в детстве мистическое переживание, а важность этого переживания — в его спонтанности, в том, что оно стало продуктом всей психики. Усилия, которые мы прикладываем на пути к развиту, должны быть направлены на совершенствование всей психики, а не какой-то ее части. Необходимо объединить свои энергии, а для этого нужно призвать на помощь энергии бессознательного, используя мифы и символы, совершенствуя воображение и преданность. Одного рационального подхода здесь мало. Именно это обнаружил Сиддхартха, когда его аскетические подвиги потерпели крах.

Пятый эпизод — уход от Сиддхартхи его спутников. Они тоже искали путь к просветлению, но рассчитывали, что всю работу за них сделает Сиддхартха. Образно выражаясь, они хотели отсидеться у него за спиной. В то же время у них было твердое мнение о том, как именно Сиддхартха должен вести их вперед, а потому их представление о том, как наилучшим образом использовать свои отношения с ним, было

перевернуто с ног на голову. Вместо того чтобы принять его руководство и изо всех сил следовать его примеру, они ожидали, что их будут кормить с ложки, и при этом продолжали придерживаться собственных взглядов. Здесь необходимо отметить, что опыт Сиддхартхи имеет отношение к ситуации, в которой находимся мы, буддисты, поэтому его следует учитывать.

Иногда вы оказываетесь на том же пути, что и другие, и тогда какое-то время, естественно, идете вместе. Но что если вы усомнитесь в пути, по которому следуете все вместе? Что если захотите изменить направление или вернуться назад? А что если ваши спутники не согласны с вашим ощущением и думают, будто вы просто идете на попятный? Суровая правда заключается в том, что, если другие не желают идти вместе с вами, вам придется продолжить путь в одиночку. Может сложиться и такая ситуация: все согласны, каким путем идти, но ваши спутники просто не готовы идти очень далеко или настроены не слишком серьезно. И в этом случае вам тоже придется идти дальше в одиночку. Такая ситуация часто складывается, когда духовная традиция становится косной и большинство ее «последователей» довольствуется более или менее формальным соблюдением принципов и выполнением практик. Если же вы решите относиться к принципам и практикам более серьезно, то окажетесь в меньшинстве, возможно, даже в одиночестве.

Суть в том, что человек, решивший стать буддистом, посвятить свою жизнь осуществлению принципов буддизма, или, выражаясь традиционным языком, принять прибежище в Трех Драгоценностях — Будде, Дхарме и Сангхе, не присоединяется к некой группе. Назначение сангхи, буддийской общины, не в том, чтобы принимать решения или думать за вас. Это объединение людей, которые берут на себя полную ответственность за свои действия. Человек достоин стать членом сангхи только в том случае, если он готов к самостоятельной жизни.

Наш последний эпизод, в котором Сиддхартха принимает помощь — рис с молоком от жены пастуха и траву куша от косца, тоже может показаться весьма незначительной подробностью его пути к просветлению. Тем не менее, он отражает его отношение — вернее, перемену отношения, —

которое в действительности является решающим. Нельзя относиться пренебрежительно к любой оказанной нам помощи, какой бы незначительной она ни была. Есть люди, которые отзываются без должного уважения о том, что служит опорой духовной практики. Они утверждают, что можно обойтись без храмов, потому что нужно уметь медитировать в любом месте, можно обойтись без буддийских текстов, потому что нужно уметь обнаруживать истину самостоятельно. Может и нужно, да только практически невозможно. Так или иначе, путь к просветлению и без того достаточно сложен, поэтому нет нужды усложнять его еще больше. Если Сиддхартха смог принять помощь, то и мы можем поступать так же, если искренне хотим достичь цели, как и он.

Таковы шесть эпизодов пути Будды, которые имеют прямое отношение к нашему собственному развитию. Их можно назвать скрытыми учениями, относящимися к раннему периоду жизни Будды. Начав с четырех встреч, мы должны получить хотя бы проблеск истинного представления о своем жизненном предназначении, о том, как всё есть в действительности, о мире, лежащем за пределами наших повседневных забот. Покидая дом ради бродячей жизни, мы перестаем отождествлять себя с группой в любом из ее проявлений. Отказ Сиддхартхи от царского одеяния символизирует его отказ от «персоны», и мы тоже должны искать за своими масками реальность, обнаружить не только свои психологические особенности, но и свою духовную сущность. Затем, вслед за Сиддхартхой, отринувшим путь аскета, необходимо понять, что сознание не может подчинить себе всю психику одним лишь усилием воли, что скрытые силы бессознательного нужно обуздать, а не подавить. Уход его спутников иллюстрирует тот факт, что при необходимости нужно быть готовым продолжать путь в одиночку. С другой стороны, то, что Сиддхартха принял помощь, явно означает: быть самодостаточным — не значит не принимать с благодарностью любую оказанную помощь, сколь бы малой она ни была.

Образ индийского царевича, который в древние времена ушел скитаться в леса, может показаться нам далеким и даже чуждым. Однако за причудливыми внешними подробностями, отмечающими ранний период его жизни, скрыва-

ются глубокие истины, которые мы можем обнаружить и в собственной жизни. За прозаическими и случайными обстоятельствами нашей жизни тоже можно обнаружить скрытые учения. И это обязательно должно придать нам уверенность в собственных духовных силах. Разглядев в истории Сиддхартхи свое собственное глубочайшее стремление к полному освобождению от рамок обусловленного бытия и те первые шаги, которые мы уже, возможно, совершаем для того, чтобы сделать это освобождение явью, мы поймем: то, что в итоге постиг Сиддхартха, сумеем постичь и мы.

